

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

На правах рукописи

ЦЫРЕМПИЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

«БИОГРАФИЯ ЧЖАМЬЯН-ШАДБЫ I» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVII - НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

-2000-

Работа выполнена в Санкт-Петербургском филиале Института Востоковедения
Российской Академии Наук

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
Крапивина Р.Н.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Смолин Г.Я.
кандидат филологических наук
Сазыкин А.Г.

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский Государственный Музей истории религии

Защита состоится "25" декабря 2000 г.

В 11 часов на заседании диссертационного Совета
Д 200.56.01 при Санкт-Петербургском филиале Института
Востоковедения РАН по адресу:

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д.18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН
(Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д.18).

Автореферат разослан "23" ноября 2000 г.

Учёный секретарь
диссертационного Совета
кандидат исторических наук

Попова И.Ф.

Письменные тибетские исторические сочинения являются ценнейшими источниками по истории Тибета. Несмотря на тенденциозно клерикальный характер подавляющего их большинства, анализ именно этих письменных свидетельств лежит в основе наших знаний о тибетском средневековье. Они достаточно богаты в жанровом отношении, однако исследователей в основном привлекают исторические сочинения общего характера, типа *чойчжуи* и *гьялраб*. К агиографическим сочинениям (тиб. *намтар*) выработалось отношение как к дополнительным, подсобным источникам. Между тем, более внимательное изучение исторического материала, который они содержат, способно существенно дополнить наши знания по истории Тибета, прояснить и оживить сухую хронику *чойчжуи* и *гьялрабов*.

Всё вышесказанное приобретает ещё большую убедительность, когда это касается биографий столь значительных личностей в истории центрально-азиатского региона, какой являлась личность Чжамьян-Шадбы I Агван-Цзондуя, крупнейшего тибетского учёного, основателя крупного амдосского монастыря Лавран.

Несмотря на то, что первые сведения об этом человеке, а также приблизительное представление о его значении в культуре тибетского буддизма были получены уже во второй половине XIX века со слов выдающегося русского сиолога В.П.Васильева, до настоящего времени специалисты по истории Тибета не могли в достаточной мере оценить масштабность личности Чжамьян-Шадбы I в истории центрально-азиатского региона XVII-XVIII вв. Настоящим прорывом в этом направлении стали сообщения, доставленные целой плеядой российских путешественников Г.Н.Потанина, Г.Ц.Цыбикова и Б.Б.Барадина на рубеже XIX и XX веков. Их, хотя и схематичные сведения об основных этапах жизни Чжамьян-Шадбы I и истории основания монастыря Лавран, долгое время никто не мог дополнить. Последовавшие позднее исследования западных ориенталистов, из которых следует выделить работы В.Хайссига, Л.Петеха, Локеша Чандры и Дж.Ф.Рока, несколько подробнее осветили биографию Чжамьян-Шадбы I, и всё-таки до настоящего момента

исторической науке о Тибете практически ничего не было известно о некоторых важнейших этапах в жизни Чжамьян-Шадбы I, а также о его политической активности как в центральных областях Тибета, так и в Амдо.

Автором данного исследования предпринята попытка существенно дополнить имеющиеся в распоряжении тибетологов сведения относительно жизни и деятельности этого выдающегося религиозного и политического деятеля Тибета через критический анализ самой объёмной из его известных биографий, полный русский перевод которой прилагается к диссертации.

Актуальность данного исследования объясняется большим значением фигуры Чжамьян-Шадбы I в истории Центральной Азии XVII-XVIII вв., а также необычайным богатством рассматриваемого памятника тибетской исторической литературы. Кроме того, что сведения, содержащиеся в «Повествовании», позволяют полнее представить феномен личности Чжамьян-Шадбы I и оценить значение этой фигуры в тибетской истории, некоторые факты, полученные в ходе исследования текста источника, возможно, способны заставить специалистов скорректировать позиции по ряду принципиальных вопросов истории Тибета и в целом Центральной Азии.

Предпринимая это исследование, диссертант поставил перед собой следующие задачи:

1. Анализ перевода биографии Чжамьян-Шадбы I и выделение из его содержания сведений, способных оказаться полезными при изучении как феномена личности Чжамьян-Шадбы I, так и его значения в истории центрально-азиатского региона.

2. Разбор всего доступного материала научных исследований отечественных и западных специалистов по истории Тибета и Монголии, в том числе и уже переведённых и исследованных исторических монголо и тибетоязычных источников.

3. Сравнение и тщательная выверка результатов анализа вышеуказанных материалов.

Обозначенные задачи ставят себе целями:

1. Получение всех содержащихся в рассматриваемом источнике фактов, относящихся к историческому аспекту источниковедения.

2. Определение максимально точных границ осведомлённости специалистов по данной научной проблеме.

3. Оценка «Биографии Чжамьян-Шадбы I» как исторического источника и сравнительный анализ его фактического материала.

В работе, кроме вышеназванного источника, была также использована уникальная рукопись его монгольского подстрочного перевода, хранящегося в составе коллекции П.Балданжапова под инвентарным номером БМ-230. В ходе исследования диссертантом были привлечены важнейшие тибетские исторические источники, уже введённые в научный оборот, среди которых «Пагсам-чжонсан» и «История Куку-нора» Сумба-хамбо Ешей-Балчжора, «Дэбтэр-чжамцо», автобиографии, II Панчен-ламы и VI Далай-ламы, биографии I Чжанчжа-хутухты и Лхавсан-хана, географические сочинения и прочее.

В ходе исследования содержания источника нами были использованы общие методологические принципы научного творчества: объективность, историческая правда, соблюдение таких логических законов, как закон противоречия, тождества, достаточного основания, исключённого третьего. Использовались и более специальные методы, среди которых синхронный анализ широкого спектра письменных монгольских и тибетских исторических источников, использование всего комплекса отечественных и зарубежных исторических и культурологических исследований по данной тематике, их сравнительный анализ. При этом диссертант опирался на методику работы с источниками и проведения исследований отечественных (А.И.Востриков, Ю.Н.Рерих, Б.И.Кузнецов, Р.Е.Пубаев, А.С.Мартынов, Р.Н.Крапивина, А.Г.Сазыкин и др.) и западных (G.Tucci, L.Petech, Z.Ahmad, K.Sagaster, T.Wylie и др.) тибетологов и монголоведов.

Новизна данного исследования заключается в том, что в научный оборот введён важный исторический источник, сообщающий не известные ранее в

науке сведения о жизни крупного религиозного и политического деятеля центрально-азиатского региона Чжамьян-Шадбы I Агван-Цзондуа. Впервые в науке представлен подробный исторический очерк жизни этой фигуры, причём прослежены и использованы полученные историками прежде биографические материалы о жизни Чжамьян-Шадбы I. На основе анализа содержания «Повествования» получены новые данные по истории Тибета XVII-XVIII вв., в некоторых случаях ведущие к пересмотру некоторых сложившихся ранее представлений. Ко всему прочему, в приложениях к диссертации впервые представлен полный прокомментированный перевод на русский язык биографии Чжамьян-Шадбы I с приложенными указателями встречающихся в тексте названий географических мест и персоналий.

Результаты исследования могут быть использованы в других работах по истории Центральной Азии XVII-XVIII вв., при составлении курсов по историографии и источниковедению Тибета и Монголии, а также по истории Тибета в высших учебных заведениях.

Частично положения диссертации отражены в выступлениях на научной конференции «Рериховские чтения» (Москва, 1999), на научной сессии Санкт-Петербургского филиала ИВРАН и конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки средних веков», посвящённой 275-летию СПбГУ.

Диссертация состоит из Введения, четырёх глав, Заключения и Приложения, состоящего, в свою очередь, из полного прокомментированного перевода тибетского оригинала «Повествования» и текста колофона монгольской рукописи на русский язык, а также из указателей географических названий и персоналий.

Глава Введение посвящена определению объекта и предмета диссертационного исследования и обсуждения актуальности выбранной темы. Актуальность предпринимаемого исследования диссертант пытается доказать через утверждение важности изучения тибетских исторических источников вообще и сочинений агиографического характера (тиб. *пацтар*) в частности.

Кроме того, актуальность темы раскрывается и через историю изучения фигуры Чжамьян-Шадбы I Агван-Цзондуа как в работах отечественных востоковедов, так и в исследованиях западных ориенталистов. При этом диссертант приходит к выводу о фрагментарности и схематичности сведений историков об этой личности, чем и объясняется недооценка его роли в истории центрально-азиатского региона. В продолжение этой темы автор исследования, основываясь на материале монографии А.С.Вострикова «Тибетская историческая литература», приводит список известных биографий Чжамьян-Шадбы I, приходя к выводу о том, что рассматриваемая в диссертации биография является самой объёмной и полной из приведённых.

Заключительная часть Введения посвящена определению конкретных задач и целей исследования, а также освещению основных методологических установок диссертации.

Глава I – «Источниковедческая характеристика сочинения» – содержит описание использованного ксилографического экземпляра рассматриваемого тибетского источника, анализ его колофона, исходя из материала которого, устанавливается и имя автора сочинения, и дата его написания. Кроме того, приводятся известные на сегодняшний момент сведения об авторе «Повествования», перечисляется ряд его сочинений. Во второй части главы говорится о структуре и содержании источника в схематичной форме. Дается краткая характеристика каждой главы, список цитируемых в «Повествовании» сочинений.

Глава II – «Источниковедческая характеристика рукописи монгольского перевода рассматриваемого источника». В §1 данной главы автор описывает рукопись монгольского перевода «Повествования», которая была использована во время работы с её тибетским оригиналом. Представлен текстологический анализ источника, проведено исследование колофона, исходя из содержания которого определены некоторые обстоятельства написания рукописи, установлены имена переводчиков, ряда духовных и светских лиц из Внутренней Монголии. Однако из-за того, что последние листы рукописи

утрачены, не удалось определить дату перевода «Повествования» на монгольский язык.

§2 Главы II диссертации целиком посвящён описанию метода использования монгольской рукописи источника при работе над переводом тибетского текста «Повествования». В этой части диссертационного исследования достаточно подробно разбираются случаи, когда обращение к монгольскому подстрочному переводу позволяло разрешить сложные моменты при переводе тибетского источника. Приводятся примеры, когда характерные для тибетского письменного языка сокращённые формы имён божеств, названий медитативных практик и разного рода устойчивых выражений и терминов, восстановить полные формы которых подчас чрезвычайно сложно, находили свою расшифровку в монгольском тексте источника. Кроме того, диссертантом разобраны случаи, когда обращение к монгольскому переводу «Повествования» помогало уточнить названия местностей.

Таким образом диссертант обосновывает привлечение рукописи монгольского перевода «Повествования» в данном исследовании. В заключении главы автор делает предположение, что подобный метод работы с двумя источниками – тибетским и его дословным монгольским переводом – может эффективно использоваться и во многих других случаях.

Глава III – Критический анализ содержания I-VII глав «Повествования» - содержит в себе разбор фактического материала той части «Повествования», в которой рассказывается о периоде жизни Чжамьян-Шадбы I с рождения до окончания его деятельности в центральных провинциях Тибета (1648-1709).

§ 1 Главы III данной диссертации начинается с анализа сведений, касающихся происхождения и места рождения Чжамьян-Шадбы I. Итогом этого анализа, в ходе которого были задействованы материалы других тибетских источников, стало заключение о принадлежности Чжамьян-Шадбы I к родовому объединению чёрных *мильяков*. Определено божество-покровитель рода Вал-шул, в котором родился Агван-Цзондуй, входящее в *бонский* пантеон низших божеств. Прослежена история этого рода до начала XVIII века, когда,

по свидетельству хроники «Дэбтэр-чжамцо», он перешёл под покровительство самого Чжамьян-Шадбы I и монастыря Лавран. Точное место рождения Агван-Цзондуя, долина Ганчжа, было выверено по картам американского исследователя Дж.Ф.Рока и тибетским географическим источникам, найдены описания этого места в дневнике Г.Ц.Цыбикова.

Во 2 и 3 § говорится о детстве Агван-Цзондуя, об атмосфере, в которой рос мальчик, о его склонностях. Несмотря на традиционно ретушированный портрет маленького Агван-Цзондуя, в ряде эпизодов «Повествования» легко разглядеть гордого и самоуверенного подростка, каким тогда был будущий Чжамьян-Шадба I.

§4 Главы III диссертации посвящён, главным образом, подготовке Агван-Цзондуя к путешествию в центральные провинции Тибета. Основной причиной ухода Агван-Цзондуя в провинцию Уй, как, возможно, и многих других его современников, по мнению диссертанта, стало желание получить более высокое по уровню буддийское образование, стремление учиться в центре буддийской просвещённости.

Учёба Агван-Цзондуя на факультете Гоман крупнейшего по числу монахов монастыря Тибета Брэйбун стала объектом рассмотрения в § 4 Главы III диссертации.

Именно в эти годы Чжамьян-Шадба I становится учеником Чжанчжухутухты I Агван-Чойдана, продолжая оставаться им вплоть до смерти последнего. В эти годы он становится популярной личностью на факультете, делая успехи в практике учёного диспута. На основании некоторых эпизодов «Повествования» делается вывод о том, что на каком-то этапе обучения Агван-Цзондуя перестают удовлетворять некоторые учебные пособия факультета, и он позволяет себе утверждать об их ошибочности. Именно к этому времени, а именно к концу 60-х годов XVII столетия, нужно отнести начало творческой деятельности Чжамьян-Шадбы I, которая продолжалась вплоть до его кончины в 1721 году.

В числе прочего, автор диссертации приходит к заключению, что особая связь между Чжамьян-Шадбой I Агван-Цзондуем и Далай-ламой V Агван-Лобсан-Чжамцо, протекторат последнего над первым, о котором писали и Локеш Чандра, и Г.Шуллеманн и Г.Ц.Цыбиков не подтверждаются данными нашего источника и, возможно, являются поздними преувеличениями. В целом, Глава IV «Повествования» может оказаться полезной при изучении специфики традиционного буддийского образования, поскольку в подробностях рассказывает обо всех этапах и способах обучения Агван-Цзондуя, в частности, о его учебных паломничествах по монастырям Санпху, Ниматан, Галдан и Дашилхунбо, приводит названия текстов, по которым шло преподавание в середине XVII века, а также живо передаёт атмосферу монастырской жизни этого времени.

В § 5 и 6 идёт речь о времени учёбы Агван-Цзондуя на тантрийском факультете Чжуд-мэд и его двадцатилетнем отшельничестве на горе Гэмплз, медитативном центре монастыря Брэйбун.

Глава «Повествования», рассказывающая об учёбе Чжамьян-Шадбы I на тантрийском факультете, не столь насыщена интересным для историков Тибета фактическим материалом, но и в ходе её анализа обнаружены некоторые подробности происходивших в 1676 году тибето-бутанских военных столкновений.

В годы отшельничества Чжамьян-Шадба I время от времени принимает участие в некоторых событиях, происходивших в то время в Центральном Тибете. Так, диссертантом отмечены его встречи с Лодой-Чжамцо, известным посланцем Далай-ламы V в Китай и Монголию, и участие в церемонии восшествия на престол Далай-ламы VI Цаньян-Чжамцо. Заслуживают самого живого интереса эпизоды, рассказывающие о взаимоотношениях Чжамьян-Шадбы I с регентом Санчжей-Чжамцо, который высоко ценил первого, помня то уважение, которое к нему испытывал Далай-лама V. Однако их отношения нельзя было назвать простыми, что ясно проявляется в эпизодах критики со стороны регента некоторых сочинений Чжамьян-Шадбы I и в случае с

грамматическим конкурсом, в котором мы склонны видеть демонстрацию неполной самостоятельности регента в принятии некоторых решений. В целом их взаимоотношения этого периода можно охарактеризовать как сдержанное почтение, однако, они имели своё дальнейшее развитие.

В 1695 году Чжамьян-Шадба I получает первое приглашение возвратиться в Амдо от Бошогту-чжинона, крупного кукунорского князя, исходя из чего, диссертант делает вывод, что уже к этому времени Агван-Цзондуй пользуется известностью у себя на родине. Действительно, к этому времени он становится автором многих философских сочинений, а также одним из самых прославленных тантристов своего времени, хранителем и активным распространителем редких тантрийских учений.

В этом же параграфе обсуждается эпизод из «Повествования», в котором задействована одна из самых загадочных фигур истории Тибета рубежа XVII и XVIII веков – хошотский правитель Тибета, законный наследник Далай-хана Данцин-Ванчжал. Об обстоятельствах его скоростижной смерти историкам известно только из *чойчжуна* «Пагсам-чжонсан» Сумба-хамбо Ешей-Бальчжора, где сказано лишь о том, что он был отравлен своим младшим братом Лхавсаном. О том, как скончался Данцин-Ванчжал, идёт речь и в рассматриваемом в диссертации источнике. В этой части диссертации проведён анализ этих сведений и сделаны следующие выводы: Данцин-Ванчжал смертельно заболел ещё в 1700 году, то есть до своего официального восшествия на престол; он скончался от обострения этой болезни в 1703 году; на основании этого эпизода «Повествования» трудно судить прав ли Сумба-хамбо, полагая, что Данцин-Ванчжал умер от отравления. В любом случае теперь «Пагсам-чжонсан» перестаёт быть единственным известным источником, говорящим об обстоятельствах гибели наследника Далай-хана.

В целом же, эти главы «Повествования», содержащие в себе ряд ценных материалов по истории Тибета конца XVII века, отражают важнейшие этапы жизни Чжамьян-Шадбы I, что необходимо для осмысления феномена его личности.

§ 7 целиком посвящён исследованию части источника, рассказывающей о деятельности Чжамьян-Шадбы I на постах настоятеля факультета Гоман и, позднее, тантрийского монастыря Пабонка. Эта часть источника является самой интересной в отношении исторического материала, поскольку положение, занимаемое Агван-Цзондуем в этот период его жизни, позволяло, и даже обязывало его, так или иначе, участвовать в политической жизни страны на самом высоком уровне.

Согласно «Повествованию», сразу по принятию должности Чжамьян-Шадба I провёл следующие реформы на факультете: ужесточил дисциплину среди монахов, приняв единый факультетский устав, который был утерян при предыдущем настоятеле; провёл коррекцию учебной программы, принимая активное личное участие в преподавании; увеличил количество монастырских поместий, используя для этого личные связи, чем улучшил положение простого монашества; учредил новые и восстановил многие из забытых ранее обычаев, например, проведение праздника по окончании курса Праджняпарамиты и т.п.

В числе прочих высокопоставленных лам Центрального Тибета Чжамьян-Шадба I стал непосредственным свидетелем отречения VI Далай-ламы от ранее принятых им монашеских обетов. «Повествование» содержит уникальное описание этого события, из которого можно узнать, что сам Агван-Цзондуй имел личную беседу с Цаньян-Чжамцо по этому поводу. Ценнейшим, по мнению автора диссертации, дополнением к тому, что уже известно историкам из других тибетских исторических источников по этому вопросу, являются сведения о совместном с Далай-ламой VI отречении от монашеских обетов ряда лиц из его окружения, в том числе и Дэмо-хутухты Намха-Чжамьяна, ученика Чжамьян-Шадбы I.

Свидетельством значимости Чжамьян-Шадбы I в тот период в Центральном Тибете, по мнению диссертанта, является приводимый в «Повествовании» разговор между ним и регентом Санчжей-Чжамцо, во время которого последний предложил Агван-Цзондую занять престол настоятеля монастыря

Галдан, по существу, третьего по влиянию представителя духовенства в Тибете. Предложение, как нам кажется, носило явно политический характер, так как регент, по всей видимости, пытался таким образом заручиться поддержкой настоятеля Гомана. Затем Санчжей-Чжамцо обращается к Чжамьян-Шадбе I с просьбой всемерно способствовать поднятию пошатнувшегося авторитета Далай-ламы среди монашества. Предпринимал попытки заручиться поддержкой Агван-Цзондуя и лидер ойратов Цэван-Рабдан, который посылал к нему своих представителей в 1705 году. Все эти факты свидетельствуют о необычайно высоком авторитете настоятеля Гомана в стране. Подтверждением этому служит и то обстоятельство, что, по информации обсуждаемого в диссертации источника, в 1703 году Чжамьян-Шадба I был приглашён для участия в освящении серебряной ступы с прахом Галдан-Бошогту-хана. В 1703 году его уже вторично приглашают вернуться на родину, на этот раз приглашение исходило от сына Бошогту-чжинона – Галдан-Эрдэни-чжинона, крупного кукунорского князя.

Свой авторитет Чжамьян-Шадба I использовал для оказания поддержки новой политической фигуре Тибета начала XVIII века – Лхавсан-хану. «Повествование» содержит интереснейшие и уникальные сведения, связанные с жизнью этого человека, поскольку всё время своего дальнейшего пребывания в Центральном Тибете Агван-Цзондуй будет поддерживать с ним тесные связи. Из «Повествования» можно узнать о том, что титул Чингис-хана в 1703 году был дарован Лхавсану Агван-Цзондуем, что противоречит данным Л.Петеха, который относил это событие к 1705 году. В дальнейшем два этих человека составят крепкий альянс, и это приведёт к резкому ухудшению отношений между Чжамьян-Шадбой I и регентом. В 1704 году Агван-Цзондуй спасает Лхавсана от смерти, что подтверждается данными Л.Петеха. Исходя из целого ряда фактов, приведённых в «Повествовании», автор исследования приходит к заключению, что во многом Лхавсан обязан своим возвышением Чжамьян-Шадбе I. Сильнейшим подтверждением этому факту служит следующий эпизод, о котором, кстати, писал и Л.Петех: в «Повествовании» сообщается, что

во время лхасского *монлама* 1705 года Санчжей-Чжамцо созвал совет из высших лам крупнейших монастырей Центрального Тибета, на котором предложил присутствующим поддержать его в низложении Лхавсана. Однако благодаря принципиальной позиции Чжамьян-Шадбы I, предложение регента было отклонено. Анализируя эти данные, а также ряд высказываний, сделанных Агван-Цзондуем в публичной речи перед факультетом в эти дни, которые приведены в нашем источнике, в диссертации делается вывод, что в этих случаях Чжамьян-Шадба I пытался не допустить беспорядков в стране, не дать повод Китаю и монголам ввести войска в центральные провинции Тибета и обеспечить безопасность религиозных институтов Гелуг. Руководствуясь этой целью, Агван-Цзондуй принял активное участие в улаживании вспыхнувшего конфликта между Лхавсаном и Санчжей-Чжамцо, предпринял отчаянные, хотя и тщетные попытки спасти жизнь бывшего регента, а также не допустил планировавшегося Лхавсаном разрушения факультета Сэра-мэд. Впрочем, желание избежать кровопролития сочеталось в нём со святой верой в священную миссию Лхавсан-хана, с настойчивым олицетворением его с Гуши-ханом, защитником традиции Гелуг. На это указывают некоторые из его высказываний, которые приводит автор в источнике.

Приверженность вышеуказанным принципам, по мнению автора исследования, заставила Чжамьян-Шадбу I принять сложное решение, которое, по сути, поставило его в оппозицию совету высших лам и некоторой части монашества факультета, когда в 1706 году он высказался за отправку Далай-ламы VI в Пекин. К тому же он участвует в церемонии возведения на трон фиктивного Далай-ламы Ешей-Чжамцо. Протесты, прокатившиеся по факультету, о которых вскользь упоминает автор «Повествования», по всей видимости, повлияли на решение Чжамьян-Шадбы I уйти в отставку.

Материалы той части «Повествования», которая обсуждается в § 7 Главы III, безусловно, являются ценнейшим источником по истории Центрального Тибета конца XVII - начала XVIII, а в некоторых случаях это единственный на сегодняшний день источник информации. К тому же эти материалы позволяют

нам, несмотря на известную предвзятость автора «Повествования» в подаче информации, глубже понять личность Чжамьян-Шадбы I, объяснить мотивы его поступков и, наконец, осознать всю значимость этой фигуры в истории Центрального Тибета указанного периода.

Глава IV данной диссертации – «Критический анализ содержания VIII-X глав и «Заключения» рассматриваемого источника» - в которой рассматриваются материалы «Повествования», связанные с деятельностью Чжамьян-Шадбы I в Амдо, предваряется кратким очерком об общем положении монастырского ламаизма в Амдо и Куку-норе в первой четверти XVIII века. Диссертант констатирует, что беспрецедентное в истории этого региона развитие монастырей традиции Гелуг во многом объясняется уникальным географическим положением и этническим составом Амдо и Куку-нора. В сложившейся к началу XVIII века политической обстановке в Центральной Азии большой вес приобрело буддийское духовенство этих регионов, влиявшее на умы и настроения и монгольских княжеских фамилий, и массы простого народа. Цинская администрация пыталась управлять обстановкой в этих регионах путём щедрой поддержки монастырей. Приезд Чжамьян-Шадбы I в Амдо рассматривается в общем контексте ситуации, сложившейся к тому времени в этой части Центральной Азии.

Безусловно, прибытие Чжамьян-Шадбы I стало событием не только для буддийского духовенства Амдо, но и для монгольских князей. Пребывание Агван-Цзондуя на родине стало, как представляется, самым активным периодом его жизни, поэтому эта часть «Повествования» насыщена большим количеством исторического материала. Чжамьян-Шадба I неустанно посещает все крупнейшие монастыри Амдо, за исключением Гумбума, повсюду итает проповеди и даже основывает совместно с Чжанчжа-хутухтой Агван-Лобсан-Чойданом и Туган-хутухтой Агван-Чойчжи-Нимой тантрийский факультет в монастыре Гонлун, в то время влиятельнейшем монастыре Амдо.

Строительству монастыря Лавран предшествовали долгие поиски места, о которых подробно рассказывается в источнике. Вообще «Повествование»,

возможно, содержит одно из самых полных описаний подготовки к строительству Лаврана, обрядов, совершавшихся при выборе места и перед началом постройки первых зданий, самого процесса застройки. В этом отношении источник интересен не только с исторической точки зрения, но и с культурологической и этнографической.

Изучая эту часть «Повествования», делается вывод о том, что все действия Чжамьян-Шадбы I, предпринимавшиеся в отношении нового монастыря, были направлены на то, чтобы сделать Лавран центром буддизма в Амдо и Монголии. Учредив *цаннидский*, а через некоторое время и тантрийский факультеты в новом монастыре, он устанавливает в них учебные программы, правила и обычаи факультетов Гоман и Чжуд-мэд, вводит суровую дисциплину среди монашества и лично участвует в преподавании. Более того, Чжамьян-Шадба I в своём стремлении возвысить Лавран среди других монастырей Амдо даёт возможность учащимся получать учёные степени в пределах этого монастыря, в то же время подчёркивая его независимость от монастырских центров Центрального Тибета.

Помимо просветительской деятельности, Агван-Цзондуй по-прежнему продолжает активно участвовать в политической жизни Амдо. В этом параграфе диссертации обсуждаются его участие в миротворческой акции во время вспыхнувшего конфликта между Галдан-Эрдэни-чжиноном и верховным ханом Куку-нора Лобсан-Данчжоном.

Историческую ценность представляют приводимые в «Повествовании» тексты посланий джунгарского хана Цэван-Рабдана, который и тогда не прерывал контактов с Чжамьян-Шадбой I. В этих письмах диссертант склонен видеть иллюстрацию уже известных историкам попыток джунгарского лидера заручиться поддержкой влиятельного духовенства Амдо перед операцией по захвату Тибета 1717 года. В действиях Чжамьян-Шадбы I ощущается желание сохранить стабильность в регионе и, в то же время, подчеркнуть значимость Лаврана в политической жизни Амдо. Возможно, этим объясняется его согласие на встречу с Галсан-Чжамцо, тогда ещё официально не признанным

VII Далай-ламой Тибета, вероятно, готовившуюся его окружением. Представляется, что окружение Галсан-Чжамцо пыталось использовать авторитет Чжамьян-Шадбы I среди монгольских князей Куку-нора для решения проблемы с непризнанным Далай-ламой, однако этой встрече воспрепятствовали китайские власти. Автор исследования заключает, что в этой ситуации цинская администрация более всего опасалась возможности заключения сепаратного договора между ойратами и частью куку-норских монголов, поскольку Агван-Цзондуй имел устойчивый авторитет среди тех и других. И в то же время маньчжуры не хотели ухудшения отношений со столь значительной фигурой в Центральной Азии. Чжамьян-Шадбу I со всеми почестями принял один из сыновей императора, имя которого, к сожалению, не указывается, через некоторое время основатель Лаврана получает титул Эрдэни-номун-хана, печать и грамоту, которыми его удостоили цинские власти по вполне понятным причинам.

Как опытный политик, Чжамьян-Шадба I, вероятно, чувствовал надвигающуюся трагедию 1723 года в Куку-норе, во всяком случае, в «Повествовании» приводятся мрачные предсказания относительно ближайшей судьбы этого региона, сделанные им после известия о смерти Батур-тайчжи. Скорее всего, неучастие Лаврана в кукунорском бунте 1723 года, через два года после кончины Агван-Цзондуя, связано с принципом, которым руководствовался его основатель: крайне осторожная политика лавирования между различными оппозиционными партиями, пытавшимися заручиться поддержкой духовенства. Последующее возвышение Лаврана, по убеждению автора диссертации, обязано соблюдением последователями Чжамьян-Шадбы I именно этого принципа.

В главе Заключение подведены основные итоги работы и сформулированы выводы. Автор диссертации делает обоснованное заключение о том, что им решены все задачи и достигнуты цели, поставленные в начале исследования: выявлены и проанализированы все важнейшие, с точки зрения диссертанта, материалы источника, представляющие ценность в деле изучения истории

Центральной Азии XVII-XVIII вв.; тщательно прослежена история изучения личности Чжамьян-Шадбы I в тибетологии; дана объективная оценка «Повествования» как исторического источника. Обилие фактического материала «Повествования», его уникальность, а также известная смелость и оригинальность автора сочинения делают «Повествование» интереснейшим источником по истории Центральной Азии, а также, по всей видимости, самым полным источником информации о жизни и деятельности Чжамьян-Шадбы I в Амдо в первой четверти XVIII века и обстоятельствах возникновения крупнейшего монастыря Амдо – Лаврана – таков главный вывод диссертации.

Основные положения диссертации изложены автором в следующих публикациях:

1. Улыбка Манджуши или кто основал Лавран // Буддизм России. 1999. №32. С. 35-42.
2. О монгольских переводах литературы традиций красношапочников // Тезисы докладов XX научной конференции по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. СПб., 2000. С. 166-167.

Подписано в печать 22.11.2000. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 0,93. Тираж 100 экз. Заказ № 388

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.